

ДАНА ДЕЛОН

Упоительные романы

Даны Делон

YOUNG ADULT

«Непрожитая жизнь»

«Падающая звезда»

«Шестое чувство»

«Артур, Луи и Адель»

DARK ROMANCE

«В ореоле тьмы»

NEW ADULT

Диалогия «Будь моим, Валентин»

ПОГРУЗИТЕСЬ В АТМОСФЕРУ
РОМАНОВ ДАНЫ ДЕЛОН

ДАНА ДЕЛОН

Местное чувство

*Моей дорогой подруге Виктории.
Спасибо тебе за дружбу, за Москву
и за твое замечательное чувство юмора!*

С любовью, Дана

Трекунсон

1. Syml — «Where's my love»
2. Coeur de pirate — «Comme des enfants»
3. Duncan Laurence — «Arcade»
4. Billie Eilish — «Six feet under»
5. Trevor Daniel — «Falling»
6. Halsey — «You should be sad»
7. Billie Eilish — «No time to die»
8. Halsey — «Not afraid anymore»
9. Selena Gomez — «Lose you to love me»
10. Andrew Belle — «Pieces»

«Что такое любовь?»

Жизнь. Полет. Доверие. Мечта. Счастье. Испытание. Вера. Безумие. Свобода. Взаимопонимание. Принятие. Альтруизм. Уважение. Танец. Искренность. Прозрение. Надежда. Безмятежность. Дружба. Взаимность. Забота. Эгоизм. Слабость. Боль. Прикосновения. Манипуляция. Близость. Выбор. Компромисс. Исцеление. Отрада. Терпение. Понимание. Поцелуй. Оргазм. Иллюзия. Спокойствие. Крылья. Страсть. Разочарование. Бессмыслица. Победа. Желание. Магия. Цель. Безумство. Волшебство. Семья. Вечность. Безопасность. Страх. Невесомость. Единство.

Нет правильного ответа, у каждого он свой.

Глава 1

Лили

Дорогой Адам.

Я не знаю, с чего начать. Не поверишь, но я пишу тебе в красной тетради, которую купила сегодня в Carrefour. На часах три ночи, а я никак не могу уснуть. Вспомнила, как отец писал письма маме в те времена, когда еще любил ее. И только сейчас я понимаю почему. Ведь когда столько эмоций теснится в душе, им нужен выход. Адам... Я не знаю, где ты сейчас, у меня никогда не было твоего адреса. Поэтому я пишу, прекрасно осознавая, что ты никогда не прочитаешь эти строки. Жаль, ведь мне очень хочется, чтобы все было иначе. Я сейчас в Париже, Адам. В городе, где ты живешь. Как удивительно устроена жизнь, не правда ли? Там, в Италии, пять месяцев назад ты познакомился с Лили из Лозанны. А теперь я тут. Больше всего на свете я мечтаю случайно встретить тебя и все объяснить. Знаешь, последние месяцы бессонница — слишком частое явление в моей жизни. Нежеланная гостья. А с ней приходят тоска, глубокая

грусть и одиночество. Признаюсь честно, подобные чувства мне всегда казались надуманными — слабостью и необъяснимым желанием страдать. Но сейчас я отчетливо понимаю: никто добровольно не хочет причинять себе боль, страдать и тонуть в печали.

И самое отвратительное, что я не знаю, как мне выбраться из этого состояния. Я стала слишком банальна — страдаю по парню! Хорошо, что ты никогда не прочитаешь это письмо. Ведь ты будешь подтрунивать надо мной до конца жизни! Скажешь: «Ага! Влюбилась в меня по уши, Лили, да?» А я начну отнекиваться и скажу, что ты самодовольный болван! Я сейчас пишу это, и в глазах стоят слезы — так сильно соскучилась по тебе!

Миллион раз воображала нашу встречу. То, как увижу тебя на углу парижской улицы и помчусь со всех ног прямо в твои объятия. Говорю же, я стала слишком банальна. Ночами я остаюсь одна со своими чувствами, своей печалью. И мне сложно, Адам. Эта глубокая тоска раздражает, но иногда так приятно раствориться в ней. Прожить ее. Почувствовать. Ведь это означает, что все, что произошло между нами, было правдой. Представляю, как ты удивисься, если мы все-таки встретимся в Париже.

Мне здесь все в новинку. И так хочется поделиться с тобой своими ощущениями от этих перемен. Рассказать обо всем на свете и ни о чем конкретно. Все такое непривычное. Даже моя комната. Она

такая... типично парижская. Белые стены и потолок с изящной лепниной вокруг люстры, мраморный камин, над которым висит огромное зеркало в золотой раме. Слишком вычурное, на мой вкус. Оно до чертиков меня раздражает, потому что я все время ловлю в нем свое отражение и невольно хмурюсь. Усталые голубые глаза, бледная кожа, темные волосы — слишком яркий контраст между цветом кожи и волосами. Мне восемнадцать лет, и, как сказала бы моя бабушка, молодость меня спасает. Однако и молодости не под силу скрыть темные круги под глазами... Зато мне очень нравится маленький балкончик и высокие парижские окна. И, несмотря на помпезность зеркала, комната выглядит аскетично из-за современной мебели из темного дерева и простой кровати с серыми простынями, сидя на которой я пишу тебе эти закорючки.

А еще здесь так громко скрипит паркет. Простого ужас! Ему, наверное, столько же лет, сколько этим апартаментам. По нему кто только не ходил. Возникает ощущение, что он не просто скрипит, а рассказывает мне историю этой комнаты. Быть может, сто лет назад здесь жила мадемуазель Габриэль Пюсан, мечтавшая об актерской карьере; вертихвостка, приводившая в эту комнату своих молодых воздыхателей. А может быть, наоборот, это была строгая католичка, которая крестилась каждый раз при виде таких дам, как Габриэль. Впрочем, какая разница... Большой плюс

этой квартиры в том, что в каждой комнате есть отдельная ванная, иначе как бы я делила уборную с отчимом. Было бы очень неловко...

Да, у меня появился отчим. Вот такая вот новость. Его зовут Жером Деланье, ему пятьдесят два года, он разведен и воспитывает дочку Эмму, мою ровесницу. Ему принадлежит сеть ресторанов. Мама безо всяких сомнений оставила старую работу и устроилась его личным помощником. Познакомились они на бизнес-форуме в Нью-Йорке, куда она ездила со своим бывшим боссом. Понятия не имею, почему она не рассказывала мне о Жероме раньше. Может, сама не знала, к чему это приведет. Или же после предательства моего отца ни в ком не была уверена. Я не обижаюсь, каждый из нас имеет право на личную жизнь. Я ведь тоже не рассказала ей о тебе, Адам. Ты — мое личное и сокровенное.

Я мечтаю снова оказаться с тобой в Италии, греться на итальянском солнышке и целоваться с тобой. Я хочу забыть все, что со мной случилось после той поездки. Кто бы мог подумать, что наша с тобой история закончится так глупо? Я не верю, что это конец. Это ведь не может быть концом, правда?

Но я отвлеклась... Я писала тебе о Париже. Что я могу сказать? Привыкнуть к жизни в этом городе будет сложно. Во-первых, он больше, чем Лозанна. Когда я увидела карту метро — вместо двух привычных линий целую паутину, — я чуть

было не впала в отчаяние, Адам! Во-вторых, здесь столько туристов! Вы, парижане, практически не замечаете их. Я же при виде толпы теряюсь. Красота Парижа, безусловно, вдохновляет. Мне нравятся небрежный французский шик и раскованность. Они напоминают мне о тебе. Знаю-знаю, ты итальянец! Но ты истинный итальянский парижанин, и даже не спорь с этим. Но ты, наверное, догадываешься, что мне больше всего нравится в моем переезде? Да, тот факт, что мы с тобой теперь живем в одном городе. Но это не все... Я не могу нарадоваться, глядя на то, какой счастливой стала мама. Я вижу, как сверкают ее глаза, слышу ее смех и понимаю, что любовь — это счастье. Быть любимым и любить.

Переезжать в другую страну в марте, за четыре месяца до окончания школы и выпускных экзаменов, конечно, не самое лучшее решение. Но когда мама в феврале спросила, волнуясь, готова ли я переехать, объяснив, что Жером хочет, чтобы мы жили вместе, я не смогла ей отказать. Да и смысл? Система образования во французской части Швейцарии та же, что и во Франции. Какая разница, где сдавать экзамены? И к тому же мама наконец успокоилась после того несчастного случая со мной.

Эти пять месяцев были сложными не только для меня, но и для нее. А Жером, как выяснилось, отлично умеет поддерживать. Знаешь, Адам, я часто думаю о том, как мне не повезло. Ведь в том,

что случилось, нет ничьей вины... У меня теперь огромный уродливый шрам на тыльной стороне ладони. Он все такой же красный, до сих пор не побледнел. Я ненавижу этот шрам всем сердцем. Все пошло наперекосяк в тот день, когда я получила его. В ту ночь я потеряла ниточку, связывающую нас. Признаюсь, я, конечно, ждала тебя в пятницу на Лозаннском вокзале. Помню, как выходили из вагонов люди, но тебя все не было. Я заглядывала в лица прохожих с надеждой увидеть твои глаза, но увы. Ты не приехал, Адам. Стрелка часов неутомимо двигалась, а вместе с ней уходила и моя надежда. Знай, я не сержусь на тебя. Я бы тоже не приехала в сложившейся ситуации. Я понимаю, почему ты так поступил. Ведь ты ничего не знал, Адам. Но сейчас мы в одном городе, и надежда расцветает с новой силой. Быть может, случится чудо, и мы встретимся. Знаю, в Париже живет несколько миллионов человек. Понимаю, как глупо надеяться. Но ведь любовь, надежда и глупость идут рука об руку!

Я так часто вспоминаю наши итальянские каникулы. Можно сказать, я живу воспоминаниями. Помнишь, как ты показал мне скульптуру Джованни Лоренцо Бернини в галерее Боргезе? Помню, как ты привел меня к ней. Ты был в своей любимой серой футболке, потертой и кое-где порванной. Она обтягивала грудь и бицепсы. Волнистые волосы цвета шоколада немного растрепались. Челка падала тебе на глаза, и ты постоянно ее поправлял,

но безуспешно. Я так хорошо помню твои горящие глаза и мальчишескую улыбку. Мне так нравилась легкая небрежность твоего образа. Ты обошел скульптуру вокруг и тоном профессионального гида провозгласил:

— «Похищение Прозерпины», Прозерпина — римский вариант имени Персефоны, богини...

Я не дала тебе договорить.

— Плодородия, — с выдохом закончила я и с восхищением принялась рассматривать статую, — а еще царства мертвых. — Я посмотрела в твои глаза и добавила: — Владычица преисподней.

Это мой любимый древнегреческий миф, Адам. Я никогда не была склонна к романтизму, меня не привлекали сопливые сказки. Но, когда впервые услышала миф о прекрасной Персефоне и Аиде, во мне что-то щелкнуло.

Глядя на эту работу Бернини, я думала: как он смог из куска холодного и грубого камня создать такое? Плавные линии, мягкие струящиеся ткани, эмоции и — самое потрясающее и невероятное! — ощущение живых прикосновений. Он сумел запечатлеть этот миг и в куске камня отразить все чувства, которые испытывают герои. Когда смотришь на скульптуру, Прозерпина кажется совсем крошечной в руках Плутона. Но, присмотревшись к деталям, понимаешь, что фигуры соразмерны. А какие потрясающе красивые руки у Плутона! Они мне напомнили твои, Адам. От таких рук невозможно отвести взгляд. Как бережно он ее

держит — забываешь, что это мрамор. Бернини смог сделать камень живым. И это настоящее волшебство! Видимо, мое лицо выражало неподдельный восторг, потому что ты неожиданно сказал мне:

— Лоренцо создал эту работу, когда ему было двадцать три года. В будущем он напишет: «Я победил мрамор и сделал его пластичным, как воск».

Руки у меня покрылись мурашками, я поймала твою ладонь, переплела наши пальцы и замороженно прошептала:

— Он сделал это, Адам. Он победил мрамор.

Мы молча стояли перед скульптурой, и я чувствовала твой внимательный взгляд. Ты изучал меня. Уверена, ты очень хотел спросить: «Ты наконец впечатлена?» Ведь до этого ты показал мне столько достопримечательностей, но, лишь глядя на эту скульптуру, я почувствовала, что меня бьет нервная дрожь. Казалось, ты хотел понять, что именно меня так тронуло. Но ты молчал, позволив мне поделиться сокровенными мыслями.

— Знаешь, злодеи всегда нравились мне больше добрых рыцарей, — взволнованно начала я. Ты крепче сжал мою руку, словно пытался сказать «Продолжай». — Я уже говорила, что, на мой взгляд, все положительные герои похожи между собой, отчего их можно назвать немного скучными. Слишком предсказуемыми. Злодеи же способны удивлять своими поступками, — первый раз говорила я, а ты меня слушал. — Мой любимый тип

персонажа — благородный злодей. Тот, что совершает добро вопреки своим принципам. Понимаешь?

Ты молча кивнул, будто боялся меня спугнуть, словно тебе было очень важно меня выслушать.

— В мифах говорится, что Аид, владыка царства мертвых, пораженный красотой Персефоны, богини плодородия, украл ее и заставил стать его женой.

Я разглядывала статую, запечатлевшую момент похищения. Она действительно выражала столько эмоций: ужас и страх Персефоны, ее отчаянная борьба с похитителем, упрямство Аида, его превосходство над слабой девушкой. А рядом невозмутимый Цербер — трехголовый пес, верный слуга своего хозяина.

— Мне всегда хотелось прочитать альтернативную версию этого мифа, где прекрасная Персефона, несмотря ни на что, выбирает Аида. Понимаешь, Адам? — Я заглянула в твои глаза, мне так хотелось увидеть в них понимание и принятие. Ты внимательно слушал меня, и мне показалось, что ты меня слышишь. По-настоящему слышишь. Твой искренний интерес придал мне уверенности, и я продолжила: — Юная дева осознает, что ей не нужен свет, она готова полностью раствориться во тьме Аида. Персефона смогла увидеть в Аиде нечто такое, от чего ей захотелось съесть преподнесенный им гранат — символ брака. Я часто представляла эту сцену... Маленькие алые зернышки в тонкой руке девушки. Возможно, она хотела бы